

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	22
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	251

ПРОЛОГ

Они играли в шахматы.

На спинках двух стульев у длинного стола, упирающегося в перпендикулярный рабочий стол, висели два кителя цвета морской волны. Один китель, хозяина кабинета, имел обшлага и кант тёмно-зелёного цвета и золотое шитьё — генерала юстиции. Второй был маршалским, общевойсковым.

В дорогой казённой обстановке журнальный столик и два кожаных кресла в углу выглядели островком доверительной интимности. На столике, кроме шахматной доски, находились бутылка коньяка, рюмки, тарелка с кружочками лимона и плитка шоколада, принесённая гостем, уже развёрнутая и ополовиненная. Хозяин кабинета был сладкоежкой. За семь послевоенных лет он располнел и теперь боролся с любовью к сладкому: не ел кондитерских изделий на людях, но угощался конфетами втихомолку.

Его друг, сидящий напротив, только что купился на размен ферзя и предвкушал близкий мат.

— Мат через три хода, — сказал генерал.

— Вижу, — буркнул маршал.

— С тебя шоколадка.

— Ты ее уже слопал. Разливай!

Был вечер субботы. Их ждали дома. По летнему времени — на дачах. Завтра можно выспаться. Весь день ходить в пижаме — такая выгодная мода, чистая прохлада для мужиков, пусть и выглядят они как сбежавшие из ведомственной больницы. Развалиться в кресле на веранде и читать. Нет, не газеты, не сводки и доклады — это после обеда. Маршал будет изучать каталоги по истории военной формы армий мира. Генерал, хорошо знающий английский, погрузится в американский боевик — примитивный, остросюжетный, не требующий работы ни одной мозговой извилины. Почему наши так не пишут? Правильно делают! Это безыдейный капиталистический разврат ума, загнивание и упадок. Но кто ж не мечтает о разврате? Хотя бы книжном?

— Говори, зачем позвал, — всё еще раздосадованный своим поражением, спросил маршал.

— А что? — дурачился генерал, довольный победой. — Нельзя старого друга пригласить на партию в шахматы и рюмку коньяка?

— Петя! Я тебя знаю! Насквозь вижу!

— Видит он! — притворно обиделся генерал Петя. — Просто ты, Вася, не можешь мне простить, что я топтался на твоём, гм... мужском достоинстве.

1944 год. Маршал, в то время еще генерал, едет в одной машине, военный прокурор, подполковник, — в другой. Едут с инспекцией. Чрезвычайное происшествие в одной из частей — братание с противником.

Генералу не нужен прокурор, который разведёт допросы-протоколы и наверняка потребует строгих мер. Прокурор из молодых да ранних, будет копытом бить. Хотя про этого говорят, что не сволочь, что справедливый. Генерал столько повидал на своем веку справедливых сволочей, что предпочёл бы иметь дело либо со сволочью в чистом виде, либо с нормальным мужиком, без грима и маскарадного пафоса.

Подполковник в свою очередь, не подавая вида, мысленно проклинал генерала. Тот был героем Гражданской войны, что предполагало усвоенное с молодости бравое поведение. Вперёд! Шашки наголо! Порубаем всех к такой-то матери! Расследованию генерал только помешает, будет лезть с глупыми советами и вопросами, тянуть одеяло на себя и требовать строгих мер. Как епископ, который заявляется в монастырь

при массовой беременности монашек. Раз генерал-епископ, значит, — наказания. А без него, может, удалось бы спустить на тормозах.

Дорога была чистой и ровной, такие бы в Рязанскую и прочие наши области. Внезапно размышления генерала и подполковника, на удивления одинаковые — о российских дорогах, — прервались налётом немецких самолётов. Поливали из пулемётов минуты две, показалось — два часа. К счастью, появились наши, прогнали фрицев, как стая орлов прогоняет обнаглевших сорок.

Петю накрыл своим телом помощник — двадцать лет, очень перспективный, думающий мальчик. Погиб, вся спина горохом кровавым побита. Петя выбрался из машины, на четвереньках пополз к дверце водителя. По-пластунски, как разведчики, Петя не умел. Наверное, можно было выпрямиться во весь рост, но в ушах еще звенела пулемётная трещотка и прибывала к земле. Глянул: водитель ранен, грудь будто лентой гигантской иглы прострочило. Лёгкое вроде не задето, кровь на губах не пузырится. В сознании. Пытается что-то сказать. Петя велел ему молчать и ждать. Затем, опять-таки на четвереньках, двинулся к машине генерала. При этом чувствовал, что его приподнятый зад вульгарно колыхается из стороны в сторону. Стыд, да и только! И тут же: идиот, тут куча тру-

пов, а ты про свою оттопыренную задницу думаешь...

Генерала прикрыл сидевший рядом адъютант, с переднего сиденья еще навалились боец сопровождения и водитель. Любили генерала, до последнего берегли. Все мёртвые... Впрочем, нет. Под грудой тел кто-то копошится. Генерал! Живой! Однако машина горит, сейчас взорвётся.

Петя вытаскивал трупы, тянул за ноги генерала, который выл и матерился по-чёрному. Надо отползти на безопасное расстояние. Генерал ранен в ногу. Крови много, но это не бедренная артерия. Если бедренная, то каюк, истечёт кровью. И еще генерал ранен в плечо. Да на хрен ему рука и нога, для генералов главное ротовая полость. И вообще, как можно, находясь в едущем автомобиле, получить пулю в ногу? Пятки он чесал, что ли? Задрал конечность к носу и скрёб? Прокурор Петя и не заметил, что разговаривает вслух.

Отползли, можно передохнуть. Это наша отвоёванная территория. Вот-вот свои появятся.

Но появились немцы — из леска в ста метрах от дороги. Засада. Провокация. Подбили наших на братание и устроили ловушку. Но об этом потом. Немцы шли стройно — шеренгой, все с автоматами, не торопясь, не пригибаясь, — так не бегут в атаку, так идут расстреливать лёгкую мишень.

Укрытие, сообразил Петя, надо в укрытие. Немцы строили на совесть: насыпь у дороги высокая. В нее Петя отправил генерала, точно рулон ковра. К краю подкатил и ногой придал ускорение. Так, требуется оружие. Его табельный пистолет? Смешно. Оружие есть у погибших бойцов. Снова на четвереньках к автомобилям. Автоматы и запасные обоймы. Он знал, как стрелять. Теоретически. Практически не любил. Он имел дело с документами, выступал на трибуналах. Оружие не любил, как и всё, несущее смерть.

Под насыпью он устроился так, чтобы в случае чего своим телом накрыть генерала, который по-прежнему матерился и требовал автомат. Петя послал его сначала по-русски, потом по-немецки. Настраивался на дойчланд. Он понятия не имел, на какое расстояние надо подпустить противника, знал только, что нервные бойцы начинают стрелять раньше времени. Сдерживался сколько мог. Пулял, как потом иронизировал генерал, в белый свет как в копеечку. А в паузах орал до срыва голосовых связок «Фауста» Гёте. Немцы, шокированные собственной классикой, периодически замирали. Этого хватило, чтобы подоспели наши и порубили их в капусту. Хотя раненый подполковник-юрист верещал:

— Офицеров живых! В плен! Для показаний!

Военного прокурора держали в госпитале по приказу генерала. Петя был ранен ерундово: сквозное в плечо, кость не задета, да перелом голени. Петя злился, но ведь без документов из госпиталя не уйдёшь. Он прокурор, не имеет права нарушать приказ, если стоит на страже закона.

Наконец генерал почтил его своим визитом.

— Ну-с? Как самочувствие?

— Вашими молитвами, — ответил ехидно прокурор.

— Меня, собственно, что интересует...

— Что с бойцами и всем этим братанием? — без намёка на чинопочитание перебил Петя.

— Никакого состава преступления. Провокация противника. — Генерал не обиделся на явное отсутствие даже формального уважения.

— Хорошо, — откинулся на подушку военный юрист. — Что вас, товарищ генерал, интересует?

— Какого чёрта там, в окопчике, ты на моих яйцах танцевал?

— Осмелюсь доложить: в случае смертельного ранения хотел прикрыть ваше драгоценное тело своими бренными останками. Позвольте вопрос?

— Валяй!

— Они, ваши яйца, случайно не из свинца? Как я умудрился ногу сломать?

Генерал польщённо рассмеялся и протянул руку:

— Вася!

— Петя! Приятно познакомиться.

«Таким было начало настоящей мужской дружбы», — говорил маршал во время застолий, поднимая тост за Петю.

Воспоминание о той истории всегда приводило маршала в благодушное настроение. Вот и сейчас скрасило проигрыш, хотя обычно он нигде, ни с кем и ни во что не любил проигрывать — до детской обиды переживал.

— Ты мне мог оттоптать самое дорогое, — шутливо попенял маршал Вася.

— Напротив! — возразил генерал Петя. — У тебя до войны всё девки рождались, а как я массаж сделал, так ты сына родил.

— Да у меня там броня! — гордо похлопал себя маршал ниже живота.

— Это хорошо, Вася, что твоя броня на правильном месте. А то, знаешь, у некоторых, не будем показывать пальцем, она мозги прикрывает.

Потом он заговорил серьёзно. О том, что происходит в ГСОВГ — Группе советских оккупационных войск в Германии, что в производстве есть дела об изнасиловании нашими военными

немецких гражданок. Большинство — туфта. Она ему через забор дала, он, дундук, немецкого не знает, расплатился буханкой хлеба и банкой консервов, она же рассчитывала на хорошую сумму в марках. Случаев грубого и жестокого изнасилования практически нет. Если сравнивать с Москвой, то меньше в сто пятнадцать раз. С другой стороны, в Германии более миллиона наших военных. Большинство — молодые горячие кобели, им баба из-за угла коленку покажи, они голову теряют. Знают! Отлично знают, тысячу раз вколачивали, что за связь с местным женским населением пойдут по статье «Изнасилование». Но природа, молодая кровь сильнее любых законов и запретов. Ломают себе карьеру, жизнь, покрываются позором. Есть такие, что влюбляются серьёзно. Сбегают, прячутся или прячут немку. У него дома жена и двое детей, а он в Намбурге развёл шекспировские страсти. Мы только подходим к тому, чтобы окончательно побороть послевоенные, привезённые из Европы сифилис и гонорею. Понадобилось открывать кафедры вензаболеваний в медицинских институтах, переучивать врачей. Немцы, в свою очередь, утверждают, что у них вспышка венерических заболеваний связана с оккупационными войсками. Кто кого наградил, сам чёрт не разберёт.

— Немцы, в смысле немки, а также чешки, польки и прочие специально наших бойцов триппером заражали. Что ты, Петя, морщишься? Не давали только югославки. Это я тебе авторитетно заявляю на основании опыта.

— Личного? Я тебя, оказывается, плохо знал.

— Коллективного опыта. Я ни с одной иностранкой! У меня ведь тогда Маша была. Из личного опыта такую историю припоминаю. Однажды штаб фронта разместили в каком-то провинциальном поместье, только въехали, обустроиваемся. Прибегает адъютант, докладывает, мол, там, снаружи, человек двадцать, просят защиты, укрытия. Гони их, отвечаю, тут не пансионат. Через час он снова на пороге: не уходят люди, жмутся к ограде. Ночь, выстрелы, им страшно. Ладно, говорю, заприте их в каком-нибудь сарае или подвале, дайте поесть и поставьте часового, чтоб не шастали. И что ты думаешь? Через некоторое время новый доклад: какая-то фрау настоятельно просит о встрече со мной. Просто нет спасения от этих дамочек. Заходит она. Дэр-мэр-хэр — что-то по-своему лопочет. Смотрю на переводчика, а он, парнишка безусый, сделался красный как буряк и глазами хлопает. Оказывается, дамочка пришла нас отблагодарить, мол, у них имеется пять очень красивых молодых женщин, из них три девственницы.

— Благодарность приняли?

— Ага, приняли, а потом еще добавили. Я велел переводчику, чтобы сказал: «Русские офицеры со шлюхами противника дела не имеют. И вообще они очень страшные на лицо, женщины ваши, советским красавицам в подмётки не годятся. Если попытки соблазнить наших воинов повторяются, то их будут судить за диверсию по законам военного времени». Петя, мне коменданты завоёванных городов докладывали. Воды еще нет, продовольствия не хватает, а уж является дама в кружевах: «Герр комендант, два борделя, один для офицеров, другой для солдат, готовы к открытию. Не хотите ли осмотреть контингент?» Ванька Соколов, отличный мужик был, и вояка, и хозяйственник, — убили из-за угла. Он этот «контингент» отправил завалы разбирать. И ежедневно лично проверял, не халтурят ли проститутки.

Петя стал замечать, что последнее время Вася больше смотрит в прошлое, чем думает о будущем. Он будто двигался спиной вперёд. Прошлое в его сознании приобрело черты идеальности. Как в газетных статьях. Офицеры не имели дела с проститутками, никто не мародёрствовал и не вёз домой баулы с добычей. Раньше люди были из стали: честные, героические, глубоко порядочные. Нынешнее поколение раз-

едает ржавчина корысти, подхалимажа и трусости. Это называется старость.

— Вася, да леший с ними, немками, польками... всеми, кроме югославок. Меня беспокоят наши ребята.

— И что ты хочешь? — спросил маршал, слегка расстроившись, что не удалось и дальше предаваться воспоминаниям. — Как Жуков в сорок пятом?

Жуков был из тех военачальников, что, заведись у подчинённых вши в волосах, рубят целиком головы. Таких, как Жуков, единицы, и они выигрывают войны. У них есть цель, зверское стремление к победе. Все, что мешает, отбрасывается или уничтожается.

Когда советская армия вошла в Германию, были случаи хулиганства. Не так много, как потом распишут, но были. Да и если вдуматься. Древнейший закон войны — победителям на разграбление достаётся завоёванная территория. Но дисциплина в армейских подразделениях была строгая. Разбой, мародёрство и хищение имущества карались крайне жестоко, часто — расстрелом на месте или по приговору военного трибунала. В условиях военного времени действовали законы военного положения, предусматривавшие высшую меру наказания и штрафные роты.

В огромной армии, конечно, были те, кто храбро сражался, но не был отягощён моральными установками. Они потом окажутся в послевоенных разбойничьих бандах, затопивших страну. Уголовщину придётся безжалостно выжигать

Жуков тогда, осенью 1945 года, издал драконовский приказ, карающий «антиморалистов, хулиганов, пьяниц, мародёров и лиц, проявляющих бесчинства». Повсеместно вводилось казарменное положение, транспорт без специальных пропусков не имел права выезжать за пределы части. Прокурорам соединений временно в обязанность наказывать за правонарушения как солдат, так и офицеров. Приказ не был отправлен в Ставку главнокомандующего, но Сталин узнал о нем от руководителей СМЕРШа и отправил Жукову телеграмму: «Я не пишу Вам формального приказа Ставки об отмене Вашего приказа, чтобы не ставить Вас в неловкое положение, но я требую...» В заключение Сталин попросту велел Жукову: «Мальчик, прежде чем ломать дрова, спроси папу». То есть все приказы Жукова — только через утверждения Ставки.

— Ты после этого приказа запил, помнишь? — спросил маршал. — В компании своего водителя и буфетчицы, щекастенькой и румяненькой.

Она двумя пальчиками брала конфетку и так соблазнительно в ротик отправляла.

Генерал мог бы сказать, что с юности мечтал быть юристом вроде Кони. Зал суда, присяжные, он выступает, держит речь, после которой чёрное меняется на белое, а белое на чёрное, дамы умильно прикладывают к глазам платочки, коллеги юристы пытаются убрать с лица откровенную зависть. Вместо этого он требует приговоров на разжалование, штрафбат, лишение всех наград и льгот, а то и на расстрел.

— У тебя есть конкретный план? — осведомился маршал.

— Есть. Во-первых, разрешить жёнам женатых офицеров прибыть в Германию к месту службы супругов.

— Будут как стрелы? — хмыкнул маршал. — При огородах и пелёнках?

— Будут как во всех гарнизонах на территории Советского Союза.

— Во-вторых?

— Вася... — снизив натиск, улыбнулся Петя. — У меня дед был руководителем, ректором семинарии. В тридцатые годы, помнишь, боролись с мракобесием, церкви закрывали, храмы взрывали, из монастырей братию выгоняли или в лагеря отправляли. Но не всех и не везде. Малого числа семинарии по-прежнему